

5. *Голанд Ю. М.* Кризисы, разрушившие НЭП. М.: Междунар. НИИ пробл. управления, 1991. 95 с.
6. Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-1686. Оп. 2.
7. История отечественной текстильной промышленности / М. В. Конотопов, А. А. Котова, С. И. Сметанин, С. И. Сметанина. М.: Легпромбытиздат, 1992. 413 с.
8. Итоги работы Иваново-Вознесенского государственного текстильного треста за 1923/24 операционный год. Иваново-Вознесенск: Ивгострест, 1925. 193 с.
9. *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР: в 3 т. М.: [б. и.], 1956. Т. 3. 643 с.
10. Обзор деятельности Иваново-Вознесенского текстильного треста за период с 1 ноября 1921 г. по 1 января 1923 г. Иваново-Вознесенск, 1923. 200 с.
11. *Тимошина Т. М.* Экономическая история России. М.: Юстицинформ, 2015. 600 с.
12. *Экземплярский П. М.* Город Иваново в прошлом и настоящем. Иваново: Иван. обл. гос. изд-во, 1945. 120 с.
13. *Якобсон Ю. А.* Иваново-Вознесенские текстильщики в период перехода к НЭПу (1921—1922) // Ученые записки / Иван. гос. пед. ин-т. Иваново, 1957. Т. 15: Общественные науки. С. 65—120.

УДК 94 (574)“19/20”
ББК 63.3(5Каз)53-2
DOI: 10.46726/Н.2021.3.8

З. Т. Садвокасова

ПРАВОСЛАВНЫЕ МИССИОНЕРСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ (XIX — начало XX в.)

Миссионерская деятельность православных проповедников среди инородцев национальных регионов Российской империи проводилась параллельно с вмешательством в экономическую жизнь, с вводимыми реформами по управлению краем, изменениями в духовной сфере и т. д. Положение ислама и его приверженцев с приходом на территорию Казахстана русских чиновников, казаков и крестьян со своим вероисповеданием не получило должного освещения в научных исторических изданиях. С распадом советской державы и отказом от однопартийной системы, имевшей мощное влияние на изыскания ученых, историки стали все чаще обращаться к религиозной тематике. В ходе их исследований поднимались проблемы, находившиеся либо под запретом, либо в зоне умолчания. Если в научных трудах советских историков любая конфессия рассматривалась в качестве противовеса коммунистической идеологии, то совершенно иная оценка дается религиям и духовным служителям в современных работах, где объективно определяется их место и роль в обществе. Богослужбные заведения, миссионерские учреждения, появившиеся в местностях с казахским населением в XIX — начале XX в., имели своей целью оказывать влияние на сознание коренных жителей с тем, чтобы подготовить почву для христианской проповеди и обращать инородцев в православие.

Ключевые слова: религия, православие, казахи, миссионеры, мусульмане, епархия.

© Садвокасова З. Т., 2021

Статья подготовлена в рамках поддержанного КН МОН РК проекта AP08855385 «Мусульманские и православные миссионеры в Казахстане: деятельность и результаты (XIX — начало XX века)».

Z. T. Sadvokasova

ORTHODOX MISSIONARY INSTITUTIONS IN KAZAKHSTAN (XIX — early XX century)

The missionary activity of Orthodox preachers among the non-native peoples of the national regions of the Russian Empire was carried out in parallel with the intervention in economic life, with the introduced reforms in the management of the region, changes in the spiritual sphere, etc. The situation of Islam and its adherents with the arrival of Russian officials, Cossacks and peasants with their own religion on the territory of Kazakhstan has not received proper coverage in scientific historical publications. With the collapse of the Soviet state and the rejection of the one-party system, which had a powerful influence on the research of scientists, they began to turn more and more often to religious topics. In the course of their research, problems were raised that were either banned or in the zone of silence. If in the scientific works of Soviet historians, any denomination was considered, as a counterweight to the communist ideology, then a completely different assessment is given to religions and their spiritual servants in modern works, where their place and role in society are objectively determined. Liturgical institutions, missionary institutions that appeared in areas with Kazakh population in the XIX — early XX centuries, aimed to influence the consciousness of the indigenous people in order to prepare the ground for Christian preaching and convert foreigners to Orthodoxy.

Key words: religion, Orthodoxy, Kazakhs, missionaries, Muslims, diocese.

Немало ученых занимаются изучением вопроса, связанного с распространением православия [6, 7, 11, 12, 14, 16, 18, 21, 22]. В этих трудах уделяется внимание особенностям миссионерской деятельности Русской православной церкви среди инородческого населения в различные периоды, факторам становления православной проповеди, ее развития и т. д. Учреждений, занимающихся привлечением в лоно христианства, помимо церкви, было немало в рассматриваемый период. Одной из работ, где освещается процесс привлечения к миссионерству широких кругов населения России в конце XIX в. через различные общества, организации, форумы, является кандидатская диссертация В. В. Шабунина. Во втором параграфе научного исследования «Церковно-общественные объединения и миссия РПЦ» соискатель отмечает, что наиболее ярким показателем успешного взаимодействия общества и РПЦ в миссионерском деле оставалась деятельность Всероссийского православного миссионерского общества (ПМО) [21, с. 17]. К числу церковно-общественных объединений В. В. Шабунин относит православные церковные братства, «многие из них были миссионерскими, а в остальных активно открывались миссионерские отделения» [там же]. Всероссийские миссионерские съезды, по мнению ученого, имели важное значение для миссионерского дела, так как координировали усилия общества и РПЦ, вырабатывали новые методы и стратегии в распространении христианства.

До появления миссионерских учреждений в национальном регионе Российской империи — Казахском ханстве привлечением к Русской православной церкви в основном занимались чиновники и отдельные церковные служители. На основе мнений некоторых военных, участников экспедиций, путешественников, первых представителей царского правительства был сделан вывод о равнодушном отношении казахов к религии, часто

их вообще причисляли к язычникам. Даже российский ученый А. И. Левшин, автор одной из крупных досоветских работ под названием «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей», включавшей главы, посвященные духовной жизни казахского народа, не мог дать однозначной оценки [10].

На первых порах влияние на религиозные взгляды инородцев оказывали гражданские лица — русские чиновники, пытавшиеся доступными для них средствами донести Слово Божие в инородческую среду. Так, одними из первых неофитов-казахов, кого удалось привлечь в новую веру, в данном случае окрестить, были те, кто работал на жителей приграничных с их землями поселков. Среди них были большей частью добровольцы, соблазненные обещаниями, некоторыми льготами и другими благами. Так, в 1839 г. их численность составляла 25 человек («мужского полу — 23, женского — 2») [19, ф. 4, оп. 1, д. 337, л. 38].

В эти годы имела место также продажа детей, что являлось одним из источников увеличения количества крещеных. Этот акт был связан с высочайшим указом царского правительства от 23 мая 1808 г., дозволявшим куплю детей казахов-бедняков [8, с. 146]. Сложно судить о столь безрассудном на первый взгляд решении родителей, продававших собственных детей. Чаще всего они вынуждены были идти на такой неблагоприятный поступок в силу сложившихся обстоятельств (джут — падеж скота, болезни и т. д.) ради спасения своих чад и семьи.

Вышеупомянутый закон о покупке «киргизов, калмыков и прочих азиатцев» в 1825 г. был отменен. При этом оговаривалось, что для пополнения недостатка женщин в Западной Сибири разрешалось «выменивать детей женского пола кочевников сопредельных с нею земель» [9, с. 8].

Как вытекает из вышеизложенного, в казахской степи еще до образования различных миссионерских организаций коренные жители проходили обряд крещения. Работа по распространению православия проводилась епархиями, одной из которых являлась Тобольская. В отчетных документах указанной христианской организации отмечалось, что даже отсутствие специальной миссии особо не отразилось на результатах, так как здесь «с 1860 по 1865 г. просвящено Святым Крещением 149 душ» [19, ф. 64, оп. 1, д. 595, л. 41].

Позже, в 50—60-х гг. XIX в., русские чиновники отмечали преждевременность миссионерства среди казахов и предостерегали от возможных последствий применения методов, использовавшихся ранее с язычниками. Первый генерал-губернатор Туркестанского края К. П. фон Кауфман доказывал несвоевременность и невозможность выполнения в регионе миссионерских задач: «Народонаселение Туркестанского края нельзя смешивать с теми народами, среди которых приходилось действовать русским миссионерам в Алтайской, Забайкальской и Иркутской миссиях» [8, с. 5].

Такие предостережения не оставались без внимания. Учитывая их, проповедники православия изучали условия для возможного появления миссии. Разрабатывались вопросы, ответы на которые рисовали картину предстоящей деятельности: «1. В какой степени между казахами развит ислам; 2. Откуда и какими путями он проникает к ним; 3. Какими бы мерами его ослабить; 4. При каких условиях можно будет учредить среди них миссию, не возбуждая тем самым каких-либо волнений» [17, с. 772].

Ответы должны были прояснить ситуацию. Игнорировать якобы индифферентность казахов посчитали неправильным. Царскому самодержавию уже приходилось сталкиваться с недовольством казахов в отношении религиозной

политики. Поэтому миссионеры не могли полностью исключить вероятность оказания сопротивления кочевниками распространению чужой веры.

В Казахстане миссионерская деятельность была развернута членами Православного миссионерского общества в 70-х гг. XIX в. Основанная по инициативе высших светских и духовных лиц, эта организация привлекала в свои ряды многих чиновников царского правительства и местной администрации. Формулировка первого параграфа Устава ПМО гласила: «Православное миссионерское общество состоит под Всемилостивейшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы» [19, ф. 64, оп. 1, д. 747, л. 1]. Государыня, видимо, и стала причиной того, что многие стремились оказаться в рядах общества. Любопытный факт деятельности указанной организации связан с тем, что ее членом являлась казашка из Уральска. При крещении она получила имя Мария. В одном из документов ПМО отмечается, что Мария Кабанова присутствовала на заседании этого общества с целью предоставления ей жилья с крещеными девочками. То есть она просила «освободить ее от неприятности бродить с приготовленными ею к крещению киргизками по переменным квартирам без удобств, какие может дать собственная усадьба» [5, с. 244—245].

Изучив обстановку, некоторые миссионеры считали, что к середине XIX в. уже были сформированы благоприятные условия для учреждения миссий и их распространения. Убеждая в этом правительство, опасавшееся несвоевременности создания станов, которое может привести к волнениям среди казахов, миссионеры настаивали на необходимости в учреждении миссий. Так, по их мнению, киргизы Средней Орды, перешедшие в подданство России около 50 лет назад, «в этот период времени... привыкли к власти русского правительства, готовы исполнять его волю» [17, с. 787].

К миссионерским учреждениям относятся и духовные миссии. С разрешения Святейшего синода в 1881 г. была учреждена Киргизская духовная миссия. По ее инициативе уже в 1883 г. в Казахстане создаются «14 миссионерских станов, при которых были открыты 17 миссионерских школ для детей казахов» [1, с. 22].

Одной из задач Киргизской духовной миссии было распространение православия среди казахского населения. Православные миссии, помимо главной задачи, выполняли и другие, заключающиеся в возвращении вероотступников, т. е. тех, кто однажды вступил в лоно христианской религии. Поэтому они должны были направлять свою деятельность не только на «приобретение последователей из среды коренных магометан» [13, с. 40], но также и на сохранение в своих рядах неопитов. Возникшая в начале как отделение Алтайской миссии Тобольской епархии Киргизская духовная миссия существовала для обращения в православие проживавших в пределах епархии киргизов и «утверждения просвещаемых иноверцев в истинах святой веры и правилах христианской нравственности» [2, с. 115].

Киргизская духовная миссия к 1 января 1913 г. состояла из восьми станов (Центральный, Преображенский, или Буконьский, Мало-Владимирский, Шульбинский, Татарский, Атбасарский, Еленинский, Черноярский и стан Знаменского миссионерского женского монастыря). В православную паству входили 6022 русских и 290 новокрещеных казахов. В 1912 г. в ведении миссии было 13 церквей и молитвенных домов, а также 18 школ. В числе учащихся было 12 новокрещеных мальчиков и 11 девочек. Обучалось даже 140 мальчиков из мусульманского населения [3, с. 857].

Миссионеры, кроме своих прямых обязанностей по совершению ими богослужений, выполняли другие обязательные функции, а именно не оставляли без внимания русских переселенцев и преодолевали немало верст по степи с проповедью Слова Божия в местах, где жили новокрещенные. Необходимо было закреплять истины Христовой веры, а также и преподавать пастырские наставления тем, кто возвращался в веру предков — ислам или сомневался после принятия православия. Деятельность церковных служителей и членов миссии иногда приносила положительные результаты, подталкивающие проповедников православия к дальнейшему усилению внимания к коренному населению.

Одним из опорных пунктов миссионерства в Средней орде считался Макарьевский стан, в состав которого входил поселок новокрещенных казахов. Этот населенный пункт включал 43 двора. Неофиты в количестве 124 человек многое изменили в укладе своей жизни, многое переняли от православных соседей, и в этом отношении они почти ничем не отличались от последних: «Во всех их хатах, устроенных преимущественно из земляных пластов, в переднем углу находится Роячница со святыми иконами и перед ним лампада» [19, ф. 318, оп. 1, д. 303, л. 201, 203 об.]. Миссионеры, беседуя с новокрещеными, твердили о необходимости выполнения ими религиозных обрядов, обусловленных принятым вероучением и регламентированных православной церковью. Они создавали у верующих иллюзию их постоянного общения с богом. Почти все клали на себя крестное знамение, молились при входе в жилище, перед принятием и после принятия пищи, носили на себе кресты. При встрече со священником всегда подходили к нему под благословение и все вместе собирались в церкви.

Учреждение училищ, приютов, госпиталей при миссионерских станах должно было показать киргизам самоотверженность русских и их милосердие к страждущему человечеству. При этом миссионеры не упускали возможности влиять на религиозные взгляды киргизов, приближая их к православию. В некоторой степени такие подходы приносили определенную пользу и имели успех в деле пропаганды новой веры.

В ведении одного из миссионеров находилась школа грамоты. Учащиеся в количестве 16 человек обучались за счет средств Оренбургского епархиального комитета ПМО. Интересные сведения даются в кратком очерке о работе подведомственной школы. В учебном заведении школьники сначала занимались по книгам и учебникам на казахском языке, изданным ПМО, затем постепенно переходили к чтению русских книг. Ученики постарше уравнивались с русскими учениками и проходили программу по русским учебникам. Каждый учебный день «начинался утреннею молитвою, во время которой киргизята встают и стоя выслушивают ее» [там же, л. 203 об.].

Описанные уроки в школах грамоты показывают, что утверждения миссионеров о безвредности их деятельности для туземной речи и мусульманской религии, как видим, не соответствовали действительности. Обучение в этой школе шло по системе Н. И. Ильминского, его главная цель была чисто миссионерская — стремление «просветить учащихся в истинах православной веры и укрепить их в этой вере» [19, ф. 64, оп. 1, д. 747, л. 4]. Разработанная Н. И. Ильминским система была поддержана миссионерами и чиновниками колониального аппарата. Попечитель Казанского учебного округа назвал Н. И. Ильминского «человеком Божьим», а прокурор Синода К. П. Победоносцев считал его «мужем великой силы и великого дела в числе немногих проповедников истины» [15, с. 193].

Во второй половине XIX в. в России активно работали православные церковные братства. Прежде чем начать свою деятельность, они должны были получить одобрение царя. Каждая такая организация имела свой устав, где указывалось, для чего она нужна была обществу. Так, в одном из них отмечалось, что создание братства необходимо «для служения нуждам и пользам православной церкви... и для распространения и утверждения духовного просвещения». Деятельность иноверных религиозных организаций представлялась как посягательство на права православной церкви. В 1881—1894 гг. в крупнейших городах империи было открыто 15 братств [7, с. 37].

Такие же братства создавались и на земле казахов. На юге Казахстана в 1869 г. было открыто Туркестанское епархиальное Казанско-Богородичное братство, преобразованное позже в Семиреченское, а на севере в 1897 г. образовано Омское епархиальное братство [19, ф. 15, оп. 1, д. 401, л. 556].

Деятельность этих организаций была направлена на распространение среди широких народных масс живого слова и здоровых понятий в духе православной веры, любви к отечеству и русской народности. Туркестанское братство способствовало обращению в православие иноверцев по всей Туркестанской епархии, куда входили Семиреченская, Сырдарьинская, Самаркандская области и Аму-Дарьинский отдел. Туземное население тогда составляло более 3,5 млн человек, на которых должны были оказывать влияние в православном духе «действительные члены братства: братчики и братчицы — 400 человек» [там же].

Исходя из особенностей края, помимо общих целей братств, основанных на уставе, ставились и другие. К примеру, главная цель Семиреченского братства заключалась «в содействии к распространению и укреплению веры Христовой между магометанами и язычниками, населяющими Туркестанский край» [20, с. 164]. Но наряду с основными приоритетами, оно также участвовало «в попечении о благолепии святых храмов, в поддержании народных школ в среде русского населения края, в пособии нуждающимся, преимущественно из числа новокрещенных, — вообще же в служении ближнему делами христианского милосердия телесного и духовного» [там же].

Отдельные чиновники колониальной администрации, не являясь членами братства, активно ему помогали: распространяли молитвенники, священные изображения и т. д. По области ими было роздано бесплатно и продано по пониженным ценам «более 300 экземпляров книг, брошюр и около 1000 штук крестиков жителям разных захолустных поселков Семиреченской области» [19, ф. 15, оп. 1, д. 401, л. 550].

Братства снабжались и печатными материалами на языке иноверцев. Среди книг, принадлежащих Туркестанскому братству, имелись работы и на казахском языке. Книги эти, по планам священников, должны были принести большую пользу в деле обращения благодаря своей низкой цене — от 3 до 40 коп. за экземпляр, «вполне доступной каждому». Они охотно брались мещанами города Верного «для обучения киргизов, находящихся в услужении у них на пашнях» [там же, л. 551].

Просветительская и миссионерская деятельность Омского братства также выражалась в неустанном и широком распространении по всей обширной Омской епархии книг церковно-богословского, религиозно-нравственного, патристического, антиалкогольного содержания, Библии, икон и предметов церковной утвари. Благодаря продаже по низким ценам и бесплатной раздаче братство снабжало по мере сил население этими изданиями [19, ф. 393, оп. 1, д. 129, л. 23].

Таким образом, деятельность братств тесно переплеталась с целями и задачами по насаждению православия среди казахского населения.

К миссионерским учреждениям относились учебные заведения по подготовке кадров для работы среди иноверцев. Духовные семинарии представляли собой средние учебные заведения для подготовки служителей культа. По утверждению миссионеров, открытие духовной семинарии в Омске стало настоятельной необходимостью. С учетом особенностей и нужд Омской епархии ставилась цель подготовки будущих выпускников семинарии к «миссионерской деятельности среди сектантства, раскольников и мусульман». По мнению епископа Гавриила, для этого нужно было за счет сокращения количества часов, отведенных на изучение латинского языка, или его исключения из учебной программы ввести в качестве обязательных предметов «местные инородческие языки» и гигиену [4, д. 146, л. 11—15, 17].

Согласно указу Синода от 29 декабря 1909 г. о предполагаемом открытии духовной семинарии в городе Омске, в учебный курс семинарии «нормального типа» должны были ввести как обязательные предметы «противомусульманскую полемику и киргизский язык» [4, д. 436, л. 16, 18]. Вооруженные знанием языка местных жителей и умением дискутировать с представителями мусульманского духовенства выпускники семинарии были обязаны увеличивать численность православных среди коренного населения.

В 1910 г. в Казани должен был пройти миссионерский съезд. В связи с этим разрабатывались вопросы, подлежащие обсуждению на форуме. Рассматривались проблемы христианского просвещения инородцев, воздействия церкви и духовенства на них, миссионерских мероприятий, издания необходимой литературы и другие. Особое внимание обращалось на «современное положение крещеных инородцев, их отношение к русским», а также на «религиозно-нравственное состояние крещеных и некрещеных инородцев, какие и чьи влияния» они испытывали [19, ф. 393, оп. 1, д. 100 б, л. 72]. Сложное положение крещеных среди бывших иноверцев, а также отступивших от православия инородцев нередко вызывало беспокойство миссионеров. Эту ситуацию следовало изучать особо, используя опыт проповедников православия, что и было учтено при подготовке съезда.

В деле христианизации казахов препятствием служила их религия — ислам. Обсуждению на предстоящем съезде подлежали вопросы, связанные с мерами борьбы с ним в Туркестанском крае. Они включали предложения по краткому знакомству с историей и обликом ислама, учреждению в Туркестанском крае должности одного противомогометанского миссионера, как главного организатора и руководителя епархиальными учреждениями противомогометанской миссии, ходатайству об открытии в Туркестанской епархии миссионерского среднего духовно-учебного заведения без преподавания древних и новых языков, но с изучением киргизского и сартовского наречий, арабского языка. Обсуждаемые вопросы были включены в повестку дня по той причине, что деятельность православных миссионеров не давала желаемых результатов. Имеется множество документальных свидетельств, где освещается активная работа по христианизации, но индифферентные казахи оставались верными религии предков.

Таким образом, православные миссионерские организации совместно с духовными служителями церкви и чиновниками колониального аппарата проводили активную работу по привлечению казахов и других инородцев в лоно православия. Однако все усилия, направленные на изменение

их вероисповедания, оказались безуспешными. Позже на смену царизму пришли большевики, провозгласившие строительство безбожного государства, и все религиозные заведения независимо от принадлежности к какому-нибудь вероисповеданию подверглись гонениям, большая часть их была уничтожена. Наступило время религиозного безверия.

Список литературы

1. Асылбеков М.-А. Х., Жаркенова А. М. Население Казахстана в конце XIX — начале XX в. (1897—1917 гг.). Алматы: Оркениет, 2001. 31 с.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1886 год. СПб., 1888. 129 с.
3. Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. 1250 с.
4. Государственный архив Омской области. Ф. 16. Оп. 1.
5. Есикова Е. М. Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди калмыков Оренбургской епархии (1859—1917 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28. С. 134—141.
6. Записка, читанная в общем собрании членов Православного миссионерского общества 8 мая 1877 г. // Миссионер: еженедельное издание Православного миссионерского общества. 1877. № 30 (24 июля). С. 244—245.
7. Ипатьева А. А. Миссионерская деятельность Русской православной церкви на юге Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1999. 51 с.
8. Крафт И. И. Сборник узаконений об управлении областями Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. Свод законов. Российской империи. Т. 2. Оренбург, 1898. 531 с.
9. Кузнецов Л. А. Краткий исторический очерк города Петропавловска Акмолинской области. Петропавловск, 1913. 87 с.
10. Левшин А. И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
11. Лифантьева Н. Распространение православия на северо-востоке России // Отечественные архивы. 2001. № 4. С. 70—75.
12. Лысенко Ю. А. Миссионеры Киргизской православной миссии о степени исламизации казахского общества на рубеже XIX—XX веков // Мир Большого Алтая. 2016. № 2. С. 44—54.
13. Миссионерский противомусульманский сборник: труды студентов миссионерского противомусульманского отделения при Казанской духовной академии. Казань, 1894. Вып. 20. 315 с.
14. Нечаев М. Г. Миссионерская деятельность церкви на Урале (1905—1916 гг.) // Христианское миссионерство как феномен истории и культуры: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 т. Пермь, 1997. Т. 1. С. 69—83.
15. Остроумов Н. Памяти моего незабвенного учителя Н. И. Ильминского // Туркестанский сборник. СПб., 1909. Т. 520. С. 191—193.
16. Сергеев Ю. Н. Православная церковь в Башкирии — проводник политики царизма (II половина XVI — I половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1990. 18 с.
17. Сотников И. Несколько слов о возможности учреждения миссии между киргизами Средней орды // Православное обозрение. 1872. Май. С. 772—790.
18. Таймасов Л. А. Миссионерско-идеологическая деятельность православной церкви и противцерковное движение чувашского народа: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1991. 15 с.
19. Центральный государственный архив Республики Казахстан.

20. Церковно-общественный вестник // Туркестанский сборник. СПб., 1873—1875. Т. 73. С. 164—167.
21. *Шабунин В. В.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в конце XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 25 с.
22. *Шагжина З. А.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Забайкалье (вторая половина XVII — начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 30 с.

УДК 94(470.315)''1973/1991'':379.85

ББК 63.3(2Рос-4Ива)63-7

DOI: 10.46726/H.2021.3.9

С. В. Точенов, Н. С. Цаплина

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ИВАНОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ БММТ «СПУТНИК» ПО РАЗВИТИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА В 1973—1991 ГОДАХ

В настоящей статье рассматриваются вопросы создания и функционирования Ивановского отделения Бюро международного молодежного туризма «Спутник». И, прежде всего, по линии осуществления одного из основных направлений деятельности — международного молодежного обмена с социалистическими и капиталистическими государствами. Вводятся в научный оборот материалы Государственного архива Ивановской области и местной периодической печати, источников личного происхождения (воспоминания работавших в интересующий нас период в «Спутнике»). Исследуются вопросы, связанные с организационно-хозяйственным аспектом деятельности, идеологической составляющей, отбором кандидатов на поездки, с возможностями приема туристов непосредственно в Ивановской области. Основное внимание в статье уделяется анализу работы Бюро в рамках двух основных направлений деятельности — организации поездок за рубеж и приема молодежи на Ивановской земле. Показана специфика в подходах к разработке различного рода маршрутов поездок в социалистические и капиталистические государства. Делается вывод о пользе и своевременности создания такого рода структур, как «Спутник», на заключительном этапе развития советского общества.

Ключевые слова: международный молодежный туризм, страны социалистического лагеря, капиталистические государства, туристические маршруты.

S. V. Tochenov, N. S. Tsaplina

ORGANIZATION OF WORK OF THE IVANOVO BRANCH OF BIYT “SPUTNIK” ON DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL YOUTH TOURISM IN 1973—1991

The article discusses the creation and functioning of the Ivanovo branch of the Bureau of International Youth Tourism “Sputnik”. First of all, attention is paid to the implementation of one of the main areas of activity — international youth exchange of socialist and capitalist states. Documents of the State Archive of the Ivanovo Region and local periodicals, sources of personal origin (memoirs

© Точенов С. В., Цаплина Н. С., 2021